

А. Н. Малинкин

ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ Р. МИХЕЛЬСА

Малинкин Александр Николаевич — кандидат философских наук, научный сотрудник Института социологии РАН.

Роберта Михельса (1876—1936) трудно понять, исходя только из его сочинений. Он не был кабинетным мыслителем. Статьи и книги Михельса — естественное продолжение его участия в общественно-политической жизни Германии и Италии. Может быть, поэтому в нашей стране о нем знали немного и немногие. Продолав эволюцию от революционного социалиста до приближенного Муссолини, Михельс не мог быть популярен в СССР. Сам же он интересовался теорией и практикой большевизма, находя в них нечто поучительное для Фашистской национальной партии, членом которой являлся. Вот почему начать следует с краткого биобиблиографического описания: это восполнит существующий пробел и даст ключ к адекватному пониманию его теорий.

Биографический очерк

Роберт (Роберто) Михельс родился 9 января 1876 г. в Кельне в семье зажиточного торговца католического вероисповедания. Неутомимость деда, члена городской управы и торговой палаты, сделала унаследованное им дело (торговля платками) к середине XIX века миллионным предприятием, вовлеченным в мировую торговлю, а семью вывела в финансовую элиту. Бабка происходила из бельгийско-французского рода, отец был немецко-итальянского происхождения, а мать — французско-немецко-итальянского. Этот космополитический фон сделал Р. Михельса в буквальном смысле «интернационально» образованным. Он свободно говорил и писал на немецком, итальянском, французском языках. После учебы во Французском колледже в Берлине изучал историю и национальную экономику в Сорбонне, в университетах Мюнхена, Лейпцига и Галле. Среди его учителей были Густав Дройзен, у которого он в 1900 г. защитил кандидатскую диссертацию на историческую тему, а также Теодор Линднер (позднее Михельс женился на его дочери Гизелле). Завершая свое образование, Р. Михельс посещает Францию, Италию, Бельгию, надолго задерживается в Марбургском университете.

В эти годы Р. Михельс совершает первый крутой поворот в своей судьбе — обращается к революционно-синдикалистски ориентированному социализму. Сначала как член Социалистической партии Италии, а затем как активист Марбургской городской организации Социал-демократической партии Германии Михельс участвует в международном социалистическом движении, не скрывая своих симпатий к революционному синдикализму во Франции и Италии, завязывает интеллектуальные и дружеские связи с теоретиками и политическими деятелями, символизирующими «новое движение» — с итальянцами Артуро Лабриола и Энрико Леоне, французами Жоржем Сорелем, Хубертом Лагарделем, Эдуардом Бертом, Полем Делесалем и др. Поскольку в СДПГ не было синдикалистской фракции, Р. Михельс стал приверженцем леворадикального, «марксистского» крыла. Отсюда — теплое отношение к Розе Люксембург и Карлу Каутскому, которые отнюдь не разделяли его симпатий к синдикализму. Михельс находился все время в оппозиции, хотя и был делегатом на национальных съездах СДПГ в 1903—1905 гг., а в 1907 г. даже выдвигал свою кандидатуру в Рейхстаг (правда, не имея реальных шансов на победу).

Постепенно Р. Михельса все более привлекает не сама политическая борьба, а научное наблюдение и анализ политической жизни. В журналах «Социалистическое движение» и «Архив социальной науки и социальной политики» появляются его первые статьи, благодаря которым он становится известным среди деятелей СДПГ. Из публикаций того времени следует отметить «Пролетариат и буржуазия в социалистическом движении Италии» [1], «Германская социал-демократия» [2], «Германская социал-демократия в интернациональном союзе» [3].

В 1905—1907 гг. Р. Михельс преподает в университетах Марбурга, Брюсселя, в Колледже свободных наук в Париже. Однако намерения защитить докторскую диссертацию в Германии не суждено было осуществиться из-за его социалистических выступлений в немецкой печати. Вскоре в Марбурге, а затем и в Йене Р. Михельсу отказали от места по политическим соображениям. Не помогло даже вмешательство Макса Вебера, который ему покровительствовал. В 1907 г. Р. Михельс переезжает в Италию, где в Туринском университете защищает докторскую диссертацию у Ачилле Лория и становится приват-доцентом национальной экономики.

Там происходит второй поворот в судьбе Р. Михельса. Он знакомится с Гаэтано Моска и становится горячим приверженцем его теории элит. Если в 1907 г. Р. Михельс участвовал в работе VII конгресса Социалистического интернационала в Штутгарте как делегат от синдикалистской фракции Социалистической партии Италии, то позднее он выходит не только из этой партии, но и из СДПГ.

Познакомившись с доктриной Г. Моска о «политическом классе» и ее развитием в «теории циркуляции элит» Вильфредо Парето (преподававшим в Лозаннском университете), Р. Михельс увидел свой прежний опыт в новом свете. В 1908 г. он полностью принимает теорию элит, со всеми ее предпосылками и следствиями. Теперь его главное стремление — внести свой вклад в школу Моска — Парето. Решению этой задачи посвящен главный труд Михельса «К социологии партийного дела в современной демократии. Исследования олигархических тенденций групповой жизни» [4]. Работу над книгой он начал в 1908 г., опубликовав две программные статьи: «Олигархические тенденции общества. К проблеме демократии» [5] и «Основная консервативная черта партийной организации» [6]. Свой фундаментальный социологический труд Р. Михельс издает в Германии на немецком языке и снабжает его примечательным посвящением: «Моему дорогому другу Макс Веберу в Гейдельберге, человеку прямому и принципиальному, который в своем интересе к хозяйству не остановится ни перед какой вивисекцией, с поклоном от родственной души посвящается».

«Социология партийного дела» Р. Михельса нашла живой отклик и принесла широкую известность автору. В 1913 г. как признанный политический социолог Михельс по приглашению Макса Вебера, Вернера Зомбарта и Эдгара Жаффе вступает в круг издателей «Архива социальной науки и социальной политики». Сотрудничество мэтров социологии обещало быть плодотворным, однако помешала надвигающаяся война.

В это напряженное время Р. Михельс делает третий крутой поворот в своей жизни: демонстративно принимает итальянское гражданство. Из активиста-интернационалиста Михельс превращается в убежденного итальянского патриота и, более того, — в сторонника итальянского национализма в его самой радикальной, империалистической, форме. Летом 1915 г. он прерывает дружеские отношения с Максом Вебером. Разрыв происходит из-за статей Р. Михельса, где он обвинял Германию в развязывании мировой войны. После гневной отповеди Макса Вебера Р. Михельс выходит из состава издателей «Архива социальной науки и социальной политики», но продолжает там печататься. Живет Михельс в военные годы преимущественно в Швейцарии, в Базеле. Там у него был собственный дом, где постоянно собирался небольшой круг друзей. Однако прочные, длительные и интенсивные контакты у Р. Михельса устанавливаются лишь с В. Парето.

В Фашистскую национальную партию, возглавляемую Бенито Муссолини, Михельс вступил, как многие итальянские националисты, после Марша на Рим в октябре 1922 года.

Он приветствует развертывание фашистского движения в Италии, одобрительно встречает приход фашистов к власти. Свои размышления на этот счет он излагает в статье «Подъем фашизма в Италии» [7], а затем в книге «Социализм и фашизм в Италии» [8].

Для европейски образованного Р. Михельса характерно постоянное сравнение политических культур и реалий стран, которые он хорошо знал и стремился узнать еще лучше. Царская Россия, а затем страна Советов не была исключением. Михельс пристально следит за развитием большевизма в России, активно интересуется теорией и практикой социалистического строительства в СССР. Почти в каждой его работе можно встретить рассуждения о политической ситуации в России, ссылки на Тургенева, Бакунина, Плеханова, Луначарского, Ленина и др. Последний, как известно, также не обошел вниманием Р. Михельса и по-своему оценил его: «Михельс, как и всякий порядочный профессор, считает, разумеется, свое услужничество перед буржуазией „научным объективизмом“...» [9, с. 15]. Указывая на «поверхностность профессора», Ленин отмечает, что в его работе об итальянском империализме собран ценный материал [9, с. 14]. Интерес Р. Михельса к России вполне понятен: она стала первым экспериментальным полигоном истории, на котором происходили процессы, аналогичные тем, что позднее начались в Италии и Германии.

Наряду с М. Пантелеони и В. Парето, Р. Михельс входил в число тех, с кем Б. Муссолини время от времени обменивался своими идеями. Однако официального признания в фашистской Италии он добился не сразу. Только после того, как Михельс опубликовал «Курс по социологии политики» [10], где идеологически обосновал режим Б. Муссолини, и в качестве «приглашенного профессора» выступил с этими идеями в Виллиенстаунском политическом институте (США) и Чикагском университете, он (1928 г.) получил долгожданное приглашение в Высшую фашистскую партшколу и университет Перуджи. Здесь Михельс, протеже Муссолини, становится ординарным профессором национальной экономики и продолжает пропагандировать фашистскую идеологию, развивая свою «теорию консенсуса».

Среди крупных работ позднего периода: «Патриотизм: пролегомены к его социологическому анализу» [11], «Расслоение господствующих классов после войны» [12], а также сборники политологических сочинений [13, 14]. Из статей этого периода следует выделить «Принципиальное в проблеме демократии»¹ [15], «О критериях образования и развития политических партий» [16], «Психология антикапиталистических массовых движений» [17].

Умер Р. Михельс 3 мая 1936 г. в Риме в возрасте 60 лет.

Интеллектуальная эволюция

Три периода в биографии Р. Михельса — это и основные этапы его творческого развития. Рассмотрим особенности каждого из них.

На первом этапе в статьях синдикалистской направленности Р. Михельс проводит сравнительный анализ социалистического движения в европейских странах, рассматривая итальянское и французское социалистическое движение как образец для германского. Последнее становится объектом его критики.

«Разрыв между революционной фразеологией и более чем пугливой политикой» германской социал-демократии Р. Михельс объясняет экономически-детерминистским пониманием исторического материализма, которое ведет к фаталистическому «ожиданию автоматической катастрофы» в теории и к выработке соответствующей (легалистской) стратегии на практике [3, S. 219]. Стремление СДПГ добиваться своих целей исключительно в рамках и средствами существующего правового порядка привело, по мнению Михельса, к тому, что парламент стал единственной ареной борьбы социалистов за власть. «Бескомпромиссный парламентаризм» отразился на самой СДПГ губительным

¹ Публикуется ниже.

образом: «весь ее механизм скроен исключительно по мерке успеха на выборах» [3, S. 230]. Борьба за голоса избирателей превратилась в главную цель, которой подчас приносились в жертву и сами социалистические идеи. Вопросы организации в СДПГ стали самоцелью, поэтому все, что ей угрожало, безоговорочно отбрасывалось.

Р. Михельс так описывает положение дел в СДПГ. Все политические инициативы — прерогатива «партийных вождей», в то время как «масса», охваченная «прямо-таки суеверным уважением к закону и действующей конституции», впала в апатию. Борются с ней по-настоящему отнюдь не в интересах вождей. Они этого и не делают. Вместо того чтобы «воспитывать массы, подготавливая их к более высоким обязанностям, чем к безынициативной и в конечном счете весьма гнетущей дисциплине», вожди СДПГ ограничиваются тем, что «штампуют детальки для своего сложного машинного механизма», растят «дисциплинированных товарищей по партии, лучшее качество которых заключается в большом плюсе (или минусе?) немецкого национального характера — легко организуемом стадном послушании, подчинении управлению» [Ibid.]. Критика Р. Михельса в адрес германской социал-демократии по-ленински остра и беспощадна: «революционная непримиримость на выборах и антиреволюционный квиетизм как общая позиция; звучная фраза в теории и примиренческая гибкость на практике; пламенное пророчество на словах и почти абсолютная неподвижность на деле» [3, S. 219].

Какова же позиция самого критика? Р. Михельс призывает высвободить «революционную энергию» рабочего класса посредством спонтанных забастовок и перманентной политической агитации, тем самым подготавливая классовую борьбу в больших масштабах [3, S. 176].

Однако Михельс не согласен с синдикалистским тезисом, что реформизм (в том числе типа, который характерен для СДПГ) — необходимое следствие перерождения рабочего движения в результате влияния буржуазной интеллигенции. В статистических выкладках он указывает на довольно высокую социальную однородность СДПГ. Изучая социальное происхождение вождей СДПГ, Р. Михельс приходит к выводу, что оно преимущественно пролетарское [2]. Причину «обуржуазивания» он усматривает в «бюрократическом партийном аппарате», который лучшие элементы пролетариата превращает в работников умственного труда и тем самым ввергает в «радикальную метаморфозу их социальной функции» [Ibid.]. Последняя в конце концов и отчуждает их от пролетарской массы.

Михельс полагает, что тлетворность буржуазного влияния фактически не доказуема даже для Социалистической партии Италии, которую никак нельзя назвать однородной в социальном отношении [1, S. 703]. Вот почему он не принимает и другой синдикалистский тезис: пролетарский характер социалистического движения необходимо воспроизводить только посредством сугубо пролетарской формы организации — синдиката (по-французски, профсоюза). «Буржуазному интеллектуалу» Р. Михельсу ясно, что без интеллигенции социалистическое движение невозможно.

Нетрудно заметить, что позиция, с которой Михельс ведет огонь своей критики, предполагает в качестве идейной основы руссоистский идеал непосредственной демократии. Несоответствие политических реалий этому абстрактному идеалу он воспринимает с искренней горечью. Однако за резкостью критики проглядывает вера в возможность реализации идеала на практике.

Второй этап эволюции Р. Михельса связан, как уже говорилось, с принятием им идеи элитизма в трактовке школы Моска — Парето. Если последним удалось, считал Михельс, убедительно доказать, что в каждом обществе должен быть «политический класс», или «элита», то свой вклад Р. Михельс видит в том, чтобы показать, *почему* подобного рода «олигархические тенденции» обнаруживаются с такой фатальностью и принудительной силой.

Предмет и цель исследования обусловили выбор объекта наблюдения. Партия — это в определенном смысле общество, его уменьшенная модель. Наиболее подходящим и к

тому же весьма эффективным объектом для анализа тенденций, мешающих осуществлению демократического принципа, Р. Михельс считал «внутреннюю сущность как раз демократических партий, а среди них — социал-революционных рабочих». Почему? Не только потому, что на собственном опыте знал, как ведутся дела в демократических партиях. Выбор удачен и с логической точки зрения: «по своему происхождению и направленности воли они представляют собой отрицание этих тенденций», а, стало быть, обнаружение их именно здесь должно считаться «в высшей степени убедительным доказательством наличия в каждой человеческой целевой организации имманентного олигархического уклона» [4, S. 12]. Михельс стремился придать своей аргументации предельную остроту, доказывая, что идея элитизма выдерживает испытание на прочность даже в самом неблагоприятном случае [18, p. 14].

Здесь над Р. Михельсом по-прежнему довлеет абстрактный идеал непосредственной демократии Руссо и соответствующая этому идеалу максималистская логика. Прямая демократия несовместима с любой формой представительства и делегирования. Последние неминуемо ведут к отчуждению воли народа и злоупотреблению ею со стороны кучки узурпаторов. Социально-философский скепсис теории элитизма в отношении демократии представляется Р. Михельсу верным, и, разделяя этот скепсис, он делает свой выбор. Резкая критика вождей социал-демократии, извращающих принцип демократии, сменяется внешне нейтральным объективистским анализом и вынесением окончательного и безжалостного приговора: демократия — всего лишь идеал, в действительности же господствует «железный закон олигархии» [4].

Олигархизацию Р. Михельс объясняет с позиций социологии организации и социальной психологии, причем социально-психологический подход явно преобладает. Нередко он оказывается под влиянием «массовой психологии» Г. Ле Бона, Г. Тарда, С. Зигеле. Однако сам Михельс старается придерживаться концепции социальной науки Г. Моска: поиск универсальных закономерностей социального поведения, независимость от любых форм социальной практики и политических обязательств. «Комплекс тенденций, препятствующих осуществлению демократии, с большим трудом поддается распутыванию и систематизации... Эти тенденции коренятся в сущности: 1) человеческой природы, 2) политической борьбы, 3) организаций. Демократия ведет к олигархии, превращается в олигархию. Выдвигая этот тезис, мы далеки от того, чтобы выносить обвинительный приговор или моральное осуждение каким-либо политическим партиям или режимам. Подобно всем социологическим законам, закон, выражающий стремление любого человеческого объединения к формированию иерархии, находится по ту сторону добра и зла», — пишет он [4, S. VII].

Развивая эти идеи, Р. Михельс приходит к центральному тезису социологии партийного дела: техническая необходимость для партии иметь вождей, возрастающая вместе с величиной и сложностью партийной организации, с одной стороны, и интеллектуальная неподвижность, предметная некомпетентность входящих в организацию масс — с другой, взаимообусловлены. Он формулирует этот тезис как «закон исторической необходимости олигархии». «Основной социологический закон, которому безусловно подчиняются политические партии (а слово «политика» берется здесь в самом широком смысле), будучи сведен к кратчайшей формуле, звучал бы так: организация — это мать господства избранных над избирающими, уполномоченных над дающими полномочия, делегированных над делегирующими» [4, S. 384].

По мнению Р. Михельса, его элитаристская концепция не направлена против марксизма и не противоречит ему. «Формула необходимости смены одного господствующего слоя другим и производный от нее закон олигархии как необходимой формы коллективной жизни ни в коем случае не отвергает и не заменяет материалистического понимания истории, но лишь дополняет его. Нет никакого противоречия между учением, согласно которому история — это непрерывный процесс классовой борьбы, и учением, в соответствии с которым классовая борьба приводит к

созданию новой олигархии» [4, S. 499].

Вера в прямую демократию сменилась скепсисом. Однако назвать позицию Р. Михельса нейтральной, или политически индифферентной нельзя. Этого не позволяет сделать скрытое эмоциональное напряжение, которое пронизывает его работу и находит свое выражение в прямо-таки классическом трагизме дилеммы, вырастающей из «исторической необходимости олигархии»: знать все опасности, которыми чревата организация, и в то же время сознавать ее практическую необходимость. Альтернатива организации — анархическая стихия — для Михельса неприемлема. «Профилактические меры против олигархии высмеивает само развитие. Если хотят законами положить конец господству вождей, то смягчатся постепенно законы, а не вожди» [4, S. 389], — пишет он. (Анализу «опыта превентивного препятствования власти вождей» посвящена предпоследняя глава «Социологии партийного дела».)

Третий этап в творчестве Р. Михельса связан с апологетикой режима Б. Муссолини. Если в «Социологии партийного дела» он предельно четко сформулировал тезис о господстве партийной элиты над партийной массой, то в «Курсе по социологии политики» и ряде сопутствующих статей с такой же категоричностью утверждает элитарный характер фашистской власти. Последнюю он пытается легитимировать в «теории консенсуса».

Согласно взглядам «позднего» Михельса, для легитимного правления не обязательно содействие большинства, достаточно его согласия (консенсуса). В фашистском режиме он видел «господство диктатуры... с согласия народа», которое основывается не только на силе власти, но и на «аплодисментах общественного мнения». «Теория консенсуса» элиминирует народные выборы и парламентаризм. Ее принцип: «консенсус вместо парламента — консенсус, часто лишь молчаливый, но иногда весьма громогласный и ощутимый, даже если и не фиксируемый статистически» [15, S. 184—185].

Чтобы обосновать постулируемое в «теории консенсуса» единство вождей и ведомых ими масс, Р. Михельс обращается к разработанному Максом Вебером понятию «харизматический лидер» (вождь). «Если лидер обладает такими выдающимися качествами и так удачлив в своем воздействии на массы, что они не могут понять причины его успеха и сознательно или бессознательно верят в игру или во всяком случае подыгрывание сверхъестественных сил, лидерство становится харизматическим» [16, S. 298]. Тем самым, полагает Михельс, покончено с принципом демократии.

Аргументация его проста и, казалось бы, неопровержима. «Демократия зиждется на выборах. Но выборы — это «внутренняя, логическая невозможность»; ибо выборы — это передача воли. Волю же нельзя передать без ее отчуждения» [15, S. 183]. Совсем иначе происходит волеизъявление в соответствии с «теорией консенсуса». «...При харизматическом руководстве масса передает свою волю вождю в сознательном восхищении и преклонении перед ним, почти в форме само собой разумеющейся, добровольной жертвы, в то время как при демократии в акте передачи воли сохраняется видимость, будто воля потенциально застывает в руках тех, кто ее отдает» [Ibid.].

Таким образом, понятие харизматического лидера Р. Михельс использует для того, чтобы по-фашистски истолковать понятие «консенсус». Последний у него — это не общественное согласие на базе мандата избирателей, полученного рациональным путем, а иррациональный акт волевого жертвоприношения. Причем фигуру политического лидера, во имя которого должно быть совершено это жертвоприношение, Михельс не прикрывает вуалью абстрактной терминологии. У него нет никаких сомнений в том, что «фашизм нашел в Бенито Муссолини натуру вождя высокого стиля, который соединяет в себе счастливый темперамент с обостренной интуицией ко всему возможному и достижимому, святую веру в самого себя и свою миссию, неординарную способность суггестивно воздействовать на массы с поистине редкой дерзновенностью» [7, S. 293]. В Муссолини не только нашло свой прототип, или даже живое воплощение веберовское понятие «харизматический лидер», считает Р. Михельс, — в нем «получила возможность развития

на практике... максима о единоположности вождя и государства» [16, S. 299].

Примечательно, что в «теории консенсуса» Р. Михельс отходит от теории элитизма в трактовке школы Моска — Парето. Последние, как известно, уделяли мало внимания тому, что к элите не относилось. Между тем Михельс актуализирует проблематику «массы», подчеркивая «необходимость массы», наряду с политической элитой и интеллектуалами, для подлинного социального консенсуса [16, S. 301—303]. Анализ большевистского опыта манипулирования массами, их идеологической и социально-психологической обработки должен рассматриваться, по мнению Р. Михельса, как несомненное достижение новейшего времени [17]. Он, таким образом, включает проблематику массы в свою элитаристскую «теорию консенсуса», опираясь на тот несомненный факт, что фашистский режим Б. Муссолини имел широкую поддержку в народе. Политическая элита, утверждает Р. Михельс,— это продукт национальной психологии [11, S. 51].

Его модификация учения В. Парето о «циркуляции элит» выглядит следующим образом. В зависимости от конкретной исторической ситуации реальную власть может осуществлять класс либо «политико-экономический» (плутократический), либо «политико-интеллектуальный», либо «волевой политический» [12, S. 113—114]. Приход фашистов к власти в Италии Р. Михельс считает закономерной сменой одряхлевшей плутократии новым («волевым») политическим классом, обладающим достаточной энергией, чтобы решить назревшие национальные задачи.

Вместо заключения

Если резюмировать творческую биографию Р. Михельса, то выделенные этапы образуют своеобразную «квазигегелевскую» триаду: 1) *ранний*, «синдикалистский», характеризуется горячей верой в руссоистский идеал непосредственной демократии, в прямую идентификацию революционной массы с самой собой как сувереном и субъектом управления; 2) *второй* связан с постепенным разочарованием и скепсисом по отношению к собственному демократическому радикализму: вначале с сожалением, затем со все крепнущим фатализмом констатируется практическая необходимость организации и как следствие — неизбежность элитарного самоутверждения вождей над массой; 3) *третий* обнаруживает возврат к ранней идее идентификации, правда, на новом, синтетическом, уровне: социально-политическая реальность итальянского фашизма рассматривается как синтез элитарного господства фашистских вождей и преданной им массы.

Любопытно, что второй и третий этапы соотносятся между собой как зеркальные отражения: если сначала «необходимость организации» была доминирующим идейным мотивом для преодоления раннего, «синдикалистского», подхода, то затем «необходимость массы» как объект добровольно-принудительного фашистского обществствления становится лейтмотивом позднего периода.

Р. Михельс был прежде всего политическим социологом, затем — социологом политики (политических партий) и лишь в последнюю очередь — теоретиком элиты. Вот почему его теорию элиты можно понять только в контексте его общественно-политической деятельности, с одной стороны, и социологии партийного дела — с другой. О нем с некоторой долей иронии можно сказать: теоретик элитизма поневоле. Его критику демократии было бы ошибочно толковать как антидемократическую по существу. Между тем это стало «недоброй» традицией, особенно в англо-американской литературе [см., например: 19, с. 76—180].

Известно, что «реалистически-эмпирическая теория демократии», отсчет которой ведется с социологии партийного дела Р. Михельса, была продолжена и развита в «теории демократического господства элит» С. Липсета [20] (свой вклад внесли также И. Шумпетер [21], Э. Доунс и др.). При этом последователи Р. Михельса забыли, что говоря о «железном законе олигархии», он думал о демократии. Его идеи интерпретировали так,

как если бы Михельс противопоставлял принцип демократии «железному закону олигархии», используя антитезу лишь как условный прием, или методические «строительные леса» для возведения памятника господству элит.

Казалось бы, небольшое смещение акцентов в интерпретации не имеет значения. Однако при этом проблема сущности и легитимности демократии оказалась вытесненной проблемами ее функциональной способности, эффективности и стабильности. А сам Р. Михельс стал рассматриваться как пример социолога, который перед лицом эмпирических фактов, в поисках социально-исторических инвариантных закономерностей готов поступиться собственными политическими принципами. В данной статье и была предпринята попытка показать, насколько сложнее все обстояло на самом деле.

Литература

1. *Michels R.* Proletariat und die Bourgeoisie in der sozialistischen Bewegung Italiens: Studien zu einer Klassen- und Berufsanalyse des Sozialismus in Italien//Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1906. NN 21, 22.
2. *Michels R.* Die deutsche Sozialdemokratie//Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1906. N 23.
3. *Michels R.* Die deutsche Sozialdemokratie im internationalen Verbandsverbande. Eine kritische Untersuchung//Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1907. N. 25.
4. *Michels R.* Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie. Untersuchungen über die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens. Leipzig, 1911 (2-е изд. Leipzig, 1925).
5. *Michels R.* Die oligarchischen Tendenzen der Gesellschaft. Ein Beitrag zum Problem der Demokratie//Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1908. N 27.
6. *Michels R.* Der konservative Grundzug der Partei-Organisation//Monatsschrift für Soziologie. 1909. N 1.
7. *Michels R.* Der Aufstieg des Faschismus in Italien//Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 1924. N 52. Цит. по: *Michels R.* Masse, Führer, Intellektuelle. Politisch-soziologische Aufsätze. 1906—1933. Fr. a. M.—N. Y., 1987).
8. *Michels R.* Sozialismus und Faschismus in Italien. München, 1925.
9. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 27.
10. *Michels R.* Corso di sociologia politica. Milano, 1926.
11. *Michels R.* Der Patriotismus: Prolegomena zu seiner soziologischen Analyse. München, 1929.
12. *Michels R.* Umschichtungen in den herrschenden Klassen nach dem Kriege. Stuttgart — Berlin, 1934.
13. *Michels R.* Studi sulla democrazia e sull'autorità. Firenze, 1933.
14. *Michels R.* Nuovi studi sulla classe politica. Roma, 1936.
15. *Michels R.* Grundsätzliches zum Problem der Demokratie//Zeitschrift für Politik. 1928. N 17 Цит. по: [7]).
16. *Michels R.* Über die Kriterien der Bildung und Entwicklung politischer Parteien//Schmollers Jahrbuch. 1927. N 51 Цит. по: [7]).
17. *Michels R.* Psychologie der antikapitalistischen Massenbewegungen//Grundriss der Sozialökonomik. Tübingen, 1926 Цит. по: [7]).
18. *Beetham D.* From socialism to fascism: the relation between theory and practice in the work of Robert Michels//Political Studies. 1977. N 15.
19. Современная буржуазная политическая наука: проблемы государства и демократии. М.: Наука, 1982.
20. *Upset S. M.* Political man. The social bases of politics. N. Y., 1960.
21. *Schumpeter J.* Kapitalismus, Sozialismus und Demokratie, Bern, 1946.